

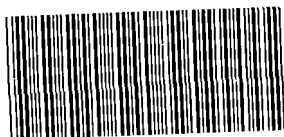
На правах рукописи
УДК 316.01:81'276

Макушева Мария Олеговна

**Языковая репрезентация социальной и
институциональной структуры**

22.00.01 – теория, методология и история социологии

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

005057482

18 АПР 2013

Санкт-Петербург – 2013

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Макушева' (Makusheva).

Работа выполнена на кафедре истории и теории социологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Министерства образования и науки Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Научный руководитель:

Шевцов Алексей Владимирович

д.филол.н., доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, профессор кафедры истории и теории социологии

Официальные оппоненты:

Головин Николай Александрович

д.с.н., профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, профессор кафедры теории и истории социологии.

Осипов Александр Михайлович

д.с.н., профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Новгородский государственный университет, г. Великий Новгород, заведующий кафедрой социологии.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, г. Санкт-Петербург.

Защита состоится 29.03. 2013 г. в 14⁰⁰ часов на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.199.15 по специальности 22.00.01 – “Теория, методология и история социологии” (Социологические науки) при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48. Факс: (812) 312-11-95, электронная почта: mail@herzen.spb.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

Автореферат разослан 25 февраля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

Косицын Владимир Борисович

Общая характеристика работы

Актуальность исследования

Изучение языковых данных имеет для социологии в основном методологическое значение. Общую установку такого изучения можно сформулировать так: язык сопутствует всем социальным процессам и пронизывает все социальные сферы, следовательно, в нем должно быть зашифровано некоторое объективное знание о социальной (психологической, культурной) реальности, которое, вооружившись специальными инструментами в виде теорий и методик, можно расшифровать. Мы сосредоточиваем внимание на двух аспектах – существовании языка как выражения образа жизни социальной группы и как пространства социально-маркированных стилей, отношения между которыми воспроизводят структуру социальных отношений и институциональные связи. Данные взаимосвязи описываются нами через понятие репрезентации – опосредованное отображение социальных структур в языковых.

Актуальность темы исследования основывается на том, что подход к изучению социальных феноменов с использованием языковых данных дает социологии несколько возможностей.

Во-первых, адаптация для социологии данных о социальном варьировании в речи помогает создать картину социальной дифференциации в ее субъективном аспекте, который сложно поддается изучению традиционными методами. В эту тему входит широкий круг вопросов, касающихся социальных установок и оценок, социальных идентификаций и лояльности.

Во-вторых, адаптация для социологии данных семантики и семиотики представляет возможность развития так называемого эмического подхода. Он использует определения ситуаций, выработанные внутри изучаемой группы, и позволяет глубже понять поведение и убеждения индивидов. Использование лингвистических данных и методик, по нашему мнению, может обеспечить объективность исследованию таких традиционно «ускользающих» сфер, как повседневность, групповая и организационная культура, идентичность и других тем.

В-третьих, речь, понимаемая как поведение, может быть проанализирована в социологии как любой другой тип поведения. Социальные процессы складываются из

индивидуальных действий, поэтому, если нас интересует состояние и перспективы развития национального языка как базовой составляющих культуры и идентичности, нужно наблюдать за различными тенденциями в речи, обусловленными социальными факторами.

Язык и речь, понимаемые как социальные феномены, – сложные многогранные явления, сопутствующие всем прочим социальным явлениям и процессам. Мы считаем исследование языка в его отношениях с социальными процессами междисциплинарной областью, а исследование группы в ее отношении к языку и взаимосвязь социальной маркированности языка с социальной структурой областью социологического интереса. Это обусловило необходимость разработки комплексной методологии исследования языка и речи в социологии и включение их в поле рассмотрения социальных практик.

Степень научной разработанности проблемы

Проблематика социального в языке традиционно изучалась в рамках социолингвистики и социологии языка, отраслевая принадлежность которых (лингвистика и/или социология) остается дискуссионной. При этом в сферу изучения попадало широкое поле вопросов: от взаимосвязи классовых, гендерных, возрастных переменных с языковыми маркерами до проблем власти в языке, от языковой ассимиляции до влияния языка на формирование индивидуальной идентичности. Все направления имеют своих классиков, свои парадигмальные исследования. Некоторые вопросы раскрыты и на теоретическом и на эмпирическом уровне достаточно полно, некоторые нуждаются в дополнительном изучении. Но, так как мы говорим о разработанности темы в социологическом аспекте, остановимся на небольшом количестве имен ученых, заложивших предпосылки для дальнейшего изучения.

Э. Дюркгейм рассматривает язык в контексте теории социальных фактов и социальных представлений как систему коллективных представлений, с которыми мы наследуем опыт, содержащийся в классификациях, выработанных нашей группой.

В рамках теории символического интеракционизма язык, во-первых, обсуждается в антропологическом контексте. Дж.Г. Мид отводит ему большую роль в процессе возникновения сознания (через задержку реакции на жест); в развитии абстрактного мышления и культуры как его результата. Во-вторых, язык рассматривается как звено в цепи социального взаимодействия. В-третьих, принятие различных ролей в процессе социализации опосредовано языковыми знаками, которые структурируют социальный опыт субъекта и его идентичность.

Интерес к языку проявился в социологии знания и социальной феноменологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман). В работах феноменологов представлен взгляд на общество как социально-сконструированное и рассмотрены механизмы такого конструирования, в которых язык занимает центральное место. Он играет ведущую роль в поддержании общих определений реальности, фиксирует набор представлений, составляющих обыденное знание общности и является основным звеном комплексного процесса институционализации. Этнометодология уделяет языку и речи внимание в контексте конструирования значений в процессе повседневной интеракции.

Имя Б. Бернштайна является важнейшим для этой области исследований. Он рассматривает связь языка со структурной организацией общества в функциональном аспекте (первична для автора именно общность и ее деятельность); обратное влияние языка на поведение в форме развития различных стратегий ориентации; функционирование социально-языкового варианта в качестве средства социальной атрибуции, идентификации, селекции.

У. Лабовым предложено оригинальное и сильно повлиявшее на данную работу понимание языка. Комплекс социально-обусловленных отношений между знаками и стилями языка включает в себя нормы его использования носителями разных социальных статусов и ролей в зависимости от социальной ситуации и в этом смысле получает у исследователя трактовку в качестве социального института.

Здесь же хочется упомянуть российских лингвистов М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова. Они наиболее полно в отечественной традиции подошли к проблеме социального в языке. Наиболее важна для нас их идея «язык как арена политической борьбы». В работе «Марксизм и философия языка» указано, что основой социального варианта языка является класс, но границы его не совпадают с границами знакового коллектива. Одни и те же знаки используются различными группами в различных ситуациях. И знаки несут на себе отпечаток интересов групп и характеристик ситуаций.

Р. Барт концептуализирует данную проблематику в рамках понятия «письма» и, во-первых, рассматривает язык как средство манифестации социальной идентичности и социальной селекции, во-вторых, разрабатывает оригинальную концепцию социальной вариативности языка в зависимости от отношений господства/подчинения.

П. Бурдьё рассматривает язык в контексте своих теорий поля и капиталов. С

одной стороны, язык – это часть культурного капитала и средство различения групп. С другой стороны, язык – это средство установления и поддержания власти и предмет борьбы.

Дж. Милрой и Л. Милрой трактуют языковые нормы наряду с другими локальными социальными нормами и связывают с сетевой организацией социального взаимодействия.

П. Эккерт и ее коллеги рассматривают языковые варианты как социальные практики, связанные с более широким статусным порядком, установившимся в обществе. При этом следование практике Эккерт понимает как проявление приверженности нормам и ценностям определенной социальной группы. Помимо Эккерта назовем еще исследовательницу проблем языковой вариативности М. Бушолтц (Busholtz), а также Дж. Холмс, сосредоточившую внимание на гендерных аспектах варьирования.

В.И. Карасик рассмотрел языковое варьирование в связи с категориями социального статуса и социальной роли в статическом и динамическом аспектах.

Среди отечественных исследователей вопросов социолингвистики хочется отметить также В.И. Беликова, Л.П. Крысина, Н.Б. Вахтина, Е.В. Головкин, В. Быкова.

Относительно общей теории социальной практики, помимо уже названного П. Бурдьё, нужно упомянуть Э. Гидденса, идеи которого во многом определили методологическую базу работы, а также Г. Гарфинкеля. Из отечественных теоретиков хочется назвать, в первую очередь, В.В. Волкова и В. Вахштайна.

В работе использовалось множество иных источников из различных областей знания: лингвистики, когнитивной лингвистики, когнитивной психологии, социолингвистики, социологии, философии, семиотики, анализа дискурса отечественных и иностранных авторов. Но, так как они иллюстрируют лишь отдельные и узкие аспекты поставленной проблемы, здесь они не приводятся.

Следует признать, что кроме П. Эккерта (работа «Linguistic Variation As Social Practice») никто не описывал языковые вариации как социальные практики комплексно. Другими исследователями вопросы практики затрагивались лишь относительно литературы, обучения языку, нарративов, других частных практик, либо строго в гендерном или властном аспекте. Существенное отличие нашего подхода от подхода школы «сообщества практик», которую представляет Эккерт, заключается в том, что мы выделяем два аспекта в социальной языковой практике. П. Эккерт связывает воспроизводство практик с поляризованным статусным

порядком, но не прослеживает связь социальной практики с группой, образ жизни которой практика выражает. Также Эккерт сосредоточивает внимание на лояльности, отставляя в сторону стратегические интересы групп. Эти отличия, даже без учета прочих, являющихся следствием различных подходов, представляются нам существенными.

Объект исследования – это взаимосвязь языка с культурой общности и социальной структурой.

Предметом исследования выступают социальные языковые практики, которые связаны с образом жизни группы, социальной и институциональной структурой общества в объективном и субъективном измерениях.

Цель работы состоит в комплексной разработке понятия социальной языковой практики, связанной в своем существовании с социальной группой, в своем воспроизводстве – с более широким социальным порядком (социальной и институциональной структурой). Эта связь, определяющая структурные и содержательные особенности практики и социальные тенденции ее воспроизводства, выражается через понятие репрезентации. Для этого мы ставим следующие **задачи**:

1. на основе классических и современных текстов о социальной природе языка описать язык как социальный факт, проанализировать зависимость языка от особенностей социальной группы;

2. рассмотреть направление лингвистического детерминизма с точки зрения вопроса о влиянии языка на культуру и общество; вписать гипотезы когнитивной лингвистики в контекст исследования социальных и ментальных структур в социологии, антропологии и семиотике;

3. проанализировать опосредующую роль социально-дифференцированного языка в социализации, коммуникации, существовании различных социальных образований. Тем самым проследить связь группового языка с институциональным порядком;

4. представить языковой вариант группы как социальную практику;

5. проанализировать связь социальной дифференциации общества и социальных языковых практик с социологической точки зрения;

6. рассмотреть связь между воспроизводством социальной языковой практики с социальным статусом и социальной ситуацией;

7. проанализировать влияние социальных границ и иерархии на воспроизводство социальных языковых практик и описать следование определенной

практике как манифестацию социального положения и часть более общей стратегии группы, связанной с ее местом в социальной структуре;

8. описать следование социальной языковой практике как установление и выражение социальной идентичности и лояльности нормам и ценностям группы.

Теоретико-методологическая основа исследования

Методологическая база исследования носит комплексный характер. С одной стороны, мы склоняемся к структуралистской трактовке общественных отношений, в которую логично ложится понимание языка и социальной реальности как системы различий между элементами и позициями. С другой стороны, в работе используется комплексное понимание языка как феномена социального, как символической системы, репрезентирующей культурные особенности групп, реализующегося в поведении отдельных носителей и накладывающего на него свой отпечаток.

С учетом вышесказанного, в работе рассматриваются различные взгляды на природу тех или иных связей языка с обществом: 1) интеракционистский, феноменологический и этнометодологический; 2) классический структуралистский; 3) синтетический (методология П. Бурдьё и Э. Гидденса).

Методы исследования

В соответствии с целью и задачами исследования использовались следующие методы.

Сравнение и обобщение – при исследовании различных точек зрения на социальную природу языка и речи, на социальные факторы и переменные языкового варьирования, при изучении связи социальных переменных и языковых, при исследовании различий в речевом поведении представителей различных групп общества в разных социальных ситуациях.

Анализ – при изучении социальных аспектов языкового знака, социальной основы языкового варьирования (социальной группы в различных аспектах ее жизнедеятельности), при выделении наиболее значимых социальных факторов языковой вариативности, при отдельном рассмотрении языкового варьирования в связи с переменными социального статуса, пола, возраста. При этом нами применяется абстрагирование, упрощение, формализация.

Синтез – в формировании комплексного видения переменных языкового варьирования и факторов языковой дифференциации при формулировании понятия языковой практики.

Метод моделирования – при описании функционирования языка как

многопланового социального феномена в обществе.

В целом, в исследовании совмещаются дедуктивный и индуктивный подходы. Теоретические осмысления и эмпирические разработки частных вопросов функционирования языка в обществе дают материал для построения общей модели, которая, в свою очередь, помогает интерпретировать данные лингвистики, психологии и иных специальностей в социологическом ключе.

Положения, выносимые на защиту

1. Социально-дифференцированные тенденции в речи людей, принадлежащих к различным социальным группам, могут рассматриваться в социологии как социальные практики. Под социальными языковыми практиками мы понимаем, с одной стороны, комплексы устоявшихся социально-обусловленных норм, регулирующих производство высказываний; с другой стороны, воспроизводство индивидами выработанных в процессе жизнедеятельности социальных групп и функционирования институтов языковых практик, которые социально-маркированы в связи с неравномерно распределенными в обществе экономическим и культурным капиталом, властью и престижем.

2. Социальным основанием для возникновения и функционирования языковой практики является группа близко расположенных в социальном пространстве позиций; эта близость, включающая в себя объективные и субъективные аспекты, обеспечивает действительное культурное единство группы, единство языковых практик и их оценок. Языковая практика, наряду с типом потребления или разделением труда между полами есть элемент образа жизни группы.

3. Социальная языковая практика связана как с объективным измерением социальной структуры в виде неравномерного распределения социальных благ, так и с субъективным измерением в виде оценок и установок. Она получает социальный смысл, маркируется и оценивается исходя из обслуживаемого ею участка социального пространства и сама служит средством социальной типизации и селекции, критерием оценки агентов. Поэтому в фокусе социологического анализа, в отличие от лингвистического изучение социолектов, оказываются социальные различия, оцениваемые агентами и строящиеся на их основе иерархии стилей речи.

4. Воспроизводство социальной языковой практики может пониматься, во-первых, как средство манифестации социального положения и часть более общей стратегии поведения индивида или группы, связанной с их местом в социальной

структуре общества; во-вторых, как средство выражения социальной идентичности.

Научная новизна данной работы заключается в том, что нами рассмотрены основные социологические методологические подходы с целью концептуализации языковой проблематики в социологии и выработки общего понятия социальной языковой практики.

Язык описывается как социальные практики, включающие несколько аспектов: рутинные модели поведения, репрезентирующие образ жизни группы; социально-маркированные стили и следование им как часть стратегии группы и средство манифестации идентичности; языковая компетентность члена группы, которая определяет его типичные практики и влияет на жизненные шансы.

В языковой практике мы выделяем уровень рутины или привычки, сложившейся в ходе жизнедеятельности группы, и уровень манифестации, связанный с ее актуальным положением в социальном пространстве, социальной идентичностью ее членов.

Мы разделяем понятия языковой практики как типичной (для определенной социальной группы или институционального контекста) модели или типа вербального взаимодействия и социальной языковой практики.

Языковые практики строятся на основе системы социальных различий. Мы предлагаем различать, говоря о социальной дифференциации языка, те факторы, на основе которых формируются различные языковые практики и те факторы и переменные, на основе которых языковые практики воспринимаются членами общества, обретают социальный смысл и оценку.

Для дифференцированного анализа двух аспектов социальной языковой практики мы предлагаем два принципа:

- принцип репрезентации, в соответствии с которым качественные особенности языковой практики изучаются в связи с образом жизни группы;
- принцип различения или структурный принцип, в соответствии с которым значение имеют не качественные особенности стилей, а отношения между ними, в общих чертах воспроизводящие структуру социальных отношений между группами; практики рассматриваются с точки зрения воспринимаемых различий между ними.

Мы выделяем четыре основных типа воспроизводства социальной языковой практики на основе места группы в системе социальных отношений и ее ценностно-нормативных ориентаций:

- манифестация отличий привилегированной группой как средство поддержания барьеров,
- манифестация принадлежности к привилегированной группе и отказ от локальной идентичности как стратегия по улучшению жизненных шансов,
- манифестация идентичности и лояльности нормам и ценностям позитивной референтной группы,
- манифестация отличий как попытка отделиться от негативной референтной группы.

Теоретическая значимость работы состоит в концептуализации проблематики социального аспекта языка в рамках социологии социальных практик, что позволяет использовать данные о естественном языке в социологическом исследовании. Работа показывает, что языковые варианты различных социальных групп являются разновидностью социальных практик; что их воспроизводство связано с субъективным аспектом социальной структуры и может пониматься как в стратегическом ключе, так и как средство установления и поддержания социальной идентичности.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется следующим.

1. Возможность использовать предложенные наработки при проведении конкретных социологических исследований, в теоретическом осмыслении ряда традиционных вопросов социологии, а именно:

- использовать данные о закономерностях языкового поведения представителей различных групп в изучении феномена социальной идентификации и ее основных переменных;
- использование данные о концептуальном аппарате говорящих для изучения субъективного аспекта социальной стратификации – системы обыденных представлений о социальной структуре и иерархии, своем месте в ней, социальных границах и барьерах, зафиксированных в слове;
- использовать данные о корреляции структуры национального языка и системы отношений между группами в обществе при исследовании социальной стратификации в статике и динамике, объективных и субъективных измерениях;
- использовать данные о закономерностях языкового поведения представителей социальной группы и ее концептуальном аппарате для описания ее культурных особенностей;

- использовать данные о речи, понимаемой как социальная практика, в изучении закономерностей воспроизводства и трансформации социальной структуры, социальных институтов, групп, движений;
- использовать данные о социальных языковых практиках представителей различных социальных групп для анализа тенденций изменения национального языка как части культуры.

2. Возможность использовать сделанные выводы при чтении вузовских учебных курсов по социологии языка, общей социологии, социологии культуры, социологии коммуникаций, социологии знаний, социологии образования.

Степень достоверности

Достоверность и обоснованность научных положений и выводов достигается комплексным характером изучения проблемы, концептуальным подходом к вопросу на методологическом и теоретическом уровнях, строгим соблюдением логики исследования, широтой охвата источников, использованием данных исследований, проведенных зарубежными и отечественными учеными, соответствием используемых методов поставленным в работе задачам.

Апробация результатов исследования

Основные положения по проблеме исследования были обсуждены и одобрены на научно-практических конференциях «Межэтнические столкновения в поликультурной студенческой среде и пути их разрешения» (Санкт-Петербург, 2008); «Герценовские чтения 2008. Социологическое образование в России» (Санкт-Петербург, 2008); «Герценовские чтения 2009. Социологическое образование в России» (Санкт-Петербург, 2009); «Герценовские чтения 2010. Социологическое образование в России» (Санкт-Петербург, 2010); «Третьи Санкт-Петербургские социологические чтения» (Санкт-Петербург, 2011); на заседании кафедры истории и теории социологии РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, 2012).

По теме диссертации опубликовано 7 научных работ (общий объем 3,68 п. л.), включая 1 публикацию (0,45 п. л.) в рецензируемом журнале, рекомендованном ВАК.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, главы первой из 5 параграфов, главы второй из 4 параграфов, заключения (объем работы без приложения и библиографического списка – 201 страница), библиографического списка, включающего 253 наименования на русском, английском, французском языках и приложения (объем работы с библиографическим списком и приложением – 227 страниц).

Основное содержание работы

Во **введении** к работе обоснована актуальность исследования, обозначены объект и предмет исследования, цель и задачи, степень разработанности темы, приведены положения, выносимые на защиту, научная новизна работы, описана методологическая база и используемые методы, обоснована теоретическая и практическая значимость. Также во введении представлен обзор взглядов по вопросу о демаркации исследований естественного языка в социологии и лингвистике и обоснована релевантность поставленной темы для социологической науки.

В **первой главе «Социальная языковая практика как элемент образа жизни группы»** мы рассматриваем взаимосвязь социальной группы и вырабатываемого ею языкового варианта.

В **параграфе 1.1.** первой главы анализируются классические представления о социальной природе языка, выделяются идеи, актуальные и релевантные для социологических дисциплин. Нас интересуют, во-первых, две перспективы, которые берут начало в XVIII в. в трудах И. Гердера и Ф. Гумбольдта – неразрывная связь языка и национальной культуры и роль языка в индивидуальном и коллективном сознании. Во-вторых, первые теоретические описания и объяснения вариативности в речи в связи с социальной стратификацией. В-третьих, перспектива, сформулированная на основе теорий Э. Дюркгейма и Ф. де Соссюра – «язык как социальный факт».

В итоге выделяются две оппозиционные трактовки языка и речи: как независимой от пользователей структуры и как деятельности. Первая трактовка связана с тем, что в языке фиксируется национальная (групповая) классификационная система, и он представляет собой сумму социальных представлений, оказывающих на индивидуальное мышление и поведение принудительное влияние. Вторая трактовка упирается в тот факт, что язык иначе, чем в речевой деятельности не существует и формируется в актах взаимодействия. Далее зависимость языка как социального факта от других социальных явлений рассматривается нами в параграфе 1.2; влияние, оказываемое языком на индивидуальное мышление и поведение – в параграфах 1.3, 1.4; деятельностный аспект языка раскрывается нами в параграфе 1.5 в рамках понятия социальной языковой практики.

В параграфе 1.2. внимание фокусируется на связи языка и социальной группы в функциональном аспекте и анализируются факторы, оказывающие существенное влияние на язык.

Главная функция языка – коммуникативная, следовательно, он зависит от условий, в которых протекает общение в группе: от организации социально-экономических отношений, временных ресурсов, типичных социальных контактов (в том числе и межгрупповых), от содержания коммуникации (типа социального опыта, который сообщается).

На язык влияют культурные контакты, которые под влиянием ряда социальных факторов запускают процесс заимствования. Также особенности языка складываются под влиянием качественного и количественного состава говорящих и системы социальных норм.

Ключевой фактор, определяющий прочие – это влияние структурной организации социальной группы на особенности языка. Влияние структурных факторов на язык опосредуется уровнем социальной психологии – установками в отношении использования языка и его стилей, оценками различных языковых практик. Особенности образа жизни и социальной психологии задают специфические функции языка и речевого общения в коллективе. По нашему мнению, релевантны и наиболее интересны следующие различия в структурной организации групп:

- степень гомогенности социального состава группы, разнообразие в ней социальных ролей и связанная с ними дифференциация социального опыта индивидов;
- частота возникновения ситуаций, требующих нестандартных либо традиционных решений;
- степень общности идентификаций и самосознания;
- инклюзивный/эксклюзивный характер отношений;
- иерархичность организации.

Еще один фактор мы условно сформулировали как идеологию группы и идеологическую борьбу. Символический аппарат группы утверждает и легитимизирует определенный комплекс идей, социальные интересы группы.

Данные факторы определяют особенности группового языка, который, в свою очередь, дает нам информацию о соответствующих сферах жизни группы. Языки групп могут отличаться: функциями речи и различных языковых практик; стилем речи; концептуальным аппаратом (степень обобщенности концептов, степень

специфичности коннотаций, неравномерность в концептуализации определенных сфер опыта, различная концептуализация одних и тех же сфер опыта); различными способами структурирования и подачи информации, ведения диалога; использованием неосознаваемых конвенций, например, определенного тона голоса; степенью сложности грамматических конструкций.

В параграфе 1.3 в фокусе интереса оказывается взаимосвязь ментальных, социальных и языковых структур. Ее анализ помогает понять взаимовлияние языка и группы. Язык репрезентирует комплекс социальных отношений (как показано в §1.2). Нормы, составляющие нерефлексивное знание общности (также называемые в социологии повседневности здравым смыслом) регулируют и производство высказываний ее членами. Социализированный индивид умеет правильно и адекватно ситуации пользоваться языком, даже не осознавая правил и требований ситуации. Таким образом, речь может рассматриваться наряду с другими видами деятельности, в которых индивид принимает правильное решение, не будучи способным объяснить его, связать с работой того или иного социального института. П. Бурдьё говорит в этом смысле о языковом габитусе.

Теоретиками подчеркивается, что язык не только отражает свойства социальной реальности, но и влияет на мышление и поведение членов общества, образуя «категориальную сетку» восприятия и оценивания. Язык как социальный факт, заложенные в нем классификационные системы, структурируют мышление и поведение индивидов. В рефлексивном поведении (и той области сознания, которую мы вслед за Э. Гидденсом называем дискурсивной) языковые знаки опосредуют превращение индивидуальных мотивов и паттернов поведения в дискурсивные определения (рационализация). От того, в какой именно форме будет сделано это определение напрямую зависит определение всей социальной ситуации актором и, следовательно, его поведение. В нерефлексивном поведении (и практическом сознании по Гидденсу) языковой знак исполняет роль посредника между коллективными представлениями и индивидуальными действиями.

Таким образом, мы имеем в некотором смысле «замкнутый круг»: социальная структура «отпечатывается» в языковом знаке и воспроизводится затем в речи носителей и в каждом индивидуальном акте поведения, опосредованном языковыми знаками.

Высказанные идеи подкрепляются обзором и анализом некоторых частных тем, разрабатываемых в рамках когнитивной лингвистики и психологии. Данные вопросы

связаны с влиянием, оказываемым языковыми категориями, в особенности метафорами и так называемыми базовыми категориями, на мышление и поведение, а также с различиями в мышлении и поведении людей, усвоивших различные языки либо социальные варианты одного языка. Раскрывается перспектива для исследования категорий, лежащих в основе восприятия человеком социальных феноменов в рамках анализа фреймов.

Положения параграфа частично иллюстрируются в приложении, где на материале протестной риторики определяется роль концептов, образующих семантические пространства, в осмыслении социально-политических проблем.

В **параграфе 1.4.** рассматривается вопрос о знаковом характере социальной реальности. Внимание сосредоточено на трех проблемах: опосредующая роль языка в процессе коммуникации; влияние языка на личность как посредника социализации; роль знаков в функционировании социальных институтов, возникновении различных социальных группировок.

Относительно роли языка в коммуникации можно утверждать следующее:

- языковой знак опосредует общение, переводя субъективное содержание в объективную общезначимую форму;
- на основе языкового знака и закреплённого в нём понятия индивиды производят типизацию ситуаций и партнеров по общению, что делает общение более предсказуемым и позволяет планировать свои действия;
- в общении с собеседником, определяя ситуацию с помощью лингвистических средств, индивиды формируют её определение, укрепляют уже существующее или изменяют его. Теоретики социального конструктивизма признают роль языкового знака в процессе конструирования решающей.

Роль языка в социализации определяется тем, что в знаке зафиксирован социально-значимый опыт группы. Применяя знак к собственному опыту, индивид упорядочивает его и вводит в рамки коллективных определений. Этот процесс лежит в основе социализации, обеспечивает лояльность, поддерживает идентичность. Если социализация протекает как усвоение типов, то язык является посредником на всех её этапах.

Социальный институт, понимаемый как комплекс действий, структурированных соответствующими понятиями, напрямую зависит от языковых знаков.

Это выводит нас на общую тему роли именования в социуме. Не отдавая

предпочтение ни номиналистической, ни реалистической концепции социальной группы, можно утверждать, что деление общества на группы связано со способами вербального закрепления этого деления. Социальная группа понимается нами как особый способ группировки, закрепленный в знаке и поддерживаемый в коммуникации. Знак далее структурирует восприятие социального пространства и определяет оценку той или иной группы.

На материале исследований нами также показана роль ключевых концептов и нарративов в формировании и функционировании социальной организации.

Социальное движение истолковывается нами в том же ключе. Идеология, символика и идентификация членов формируются в публичных текстах, производимых лидерами движения. Чтобы пронаблюдать этот феномен мы обратились к широко развернувшимся в России после выборов в Государственную Думу в 2011 г. протестным акциям (материалы исследования приводятся в приложении к тексту диссертации). Язык в некотором смысле лежит в основе социального движения, так как:

- помогает перевести частные мотивы и интересы в коллективную и общезначимую форму и направить их;
- формирует идентичность на основе манифестации качеств, целей и ценностей движения;
- переводит проблемы, относящиеся к функционированию разнообразных социальных институтов либо сфер жизни общества (культура, экономика, право) в политическую сферу.

Можно утверждать, что вся социальная реальность опосредована знаковой системой, применяемой для ее интерпретации. И, так как последняя социально-дифференцирована, каждый институциональный контекст оказывается связанным с ценностно-нормативными ориентациями и культурными (в том числе, языковыми) практиками определенной социальной группы. Чтобы понять и истолковать любое действие, институт, организацию, движение нужно изучить их языковые основания и проявления.

В **параграфе 1.5.** суммируются выделенные ранее зависимости и разрабатываются положения, которые лягут в основу комплексного понимания языка как социальной практики.

В параграфе прослеживаются этапы развитие исследовательского интереса к аспекту деятельности в языке и к вариативности в языке в связи с социальной

вариативностью; рассматривается формирование взгляда на речь как коллективный феномен. Таким образом, внимание закономерно сосредоточивается не на языке и его варьировании, а на группе и используемых ею вариантах.

Основанием для возникновения варианта языка является группа близко расположенных в социальном пространстве позиций. Она выделяется на основе социально значимых признаков, в качестве которых могут фигурировать любые характеристики, которые создают действительное культурное единство людей, приспособляющихся к сходным социальным условиям. Культурное единство подразумевает единство представлений, оценок своих и чужих языковых практик, единство вкуса. Реальное сходство людей по объективным и субъективным параметрам продуцирует чувство общности, солидарности, доверия, создает общую культуру и стиль жизни, а также формирует и укрепляет дистанцию с другими группами. На этой основе формируется единство социальных практик и их оценок.

Социальную языковую практику мы понимаем комплексно. Она существует в форме ряда правил, заданных структурой социальных отношений. Они обеспечивают:

- коммуникацию и выполнение иных функций общения в группе;
- единые образцы использования стилей с разными типами социальных акторов, которые поддерживают идентификации индивидов;
- единые образцы использования стилей в разных типах социальных ситуаций, что поддерживает общие определения ситуаций;
- правила, фиксирующие некий ритуал, процедуру реализации определенной языковой практики (например, светская беседа).

Практика включает в себя также рутинные или привычные образцы, вырабатываемые группой. Со временем они могут стать нормой для определенной социальной среды. В случае, если группа занимает ключевые позиции в деятельности какого-либо социального института, ее речевые особенности могут стать нормой для всех агентов.

Мы разделяем понятия языковой практики и социальной языковой практики. Словосочетание «языковая практика» может использоваться для описания любых моделей или типов вербальной коммуникации, выделяемых на различных основаниях (например, публичное выступление, «светская болтовня», критическое обсуждение и так далее). Это то о чем говорится и как говорится членами группы обычно. Социальная языковая практика понимается нами как совокупность правил, регулирующих производство речевых актов. Рутинный аспект социальной языковой

практики включает типичные языковые практики членов группы.

Однако социальная группа не существует в вакууме. На уровне социума мы имеем систему языковых вариантов, которая связана как с объективным измерением социальной структуры (деление на группы в зависимости от различных свойств), так и с субъективным (установками, оценками). Иначе говоря, мы имеем систему лингвистических отличий, которая воспроизводит систему социальных отличий: будучи принадлежностью группы, языковой вариант воспринимается другими и разделяется социальным смыслом.

То же мы наблюдаем и на индивидуальном уровне. Языковой вариант здесь существует в форме языкового репертуара личности и языковой компетентности. Отдельный речевой акт понимается нами двояко. С одной стороны, это перефлексивное следование рутинным образцам, принятым в группе. С другой, в каждом речевом акте может также осуществляться выбор между сосуществующими и имеющими социальный смысл стилями.

Специфика социологического подхода к языку состоит, во-первых, в исследовании образа жизни в связи с языковым вариантом/вариантами, которые его выражают, во-вторых, в выделении релевантных лингвистических различий, которые воспроизводят различия социальные, поддерживают их и укрепляют. Анализу последнего аспекта посвящена вторая глава работы.

Глава вторая «Субъективный аспект социальной структуры и социальные языковые практики» посвящена анализу воспроизводства социальных языковых практик в зависимости от социальных различий между ними.

В **параграфе 2.1.** выделены социологически-релевантные отличия в исследовании социальных языковых практик. Языковой вариант определяется на основе проведения социального различия между группами, приобретает в связи с этим социальный смысл и оценивается. Социальная языковая практика работает как различение, воспринимаемое агентами. В этом смысле мы говорим о зависимости воспроизводства социальной практики от субъективного аспекта социальной структуры, под которым понимается общее знание социальных границ и представления о социальных различиях.

Чаще всего индивиды придают смысл различиям, которые существуют между группами, противопоставленными друг другу: мужчины/женщины, молодежь/пожилые, рабочий класс/средний класс, столица/провинция, местные/пришлые население и так далее. Так как нас интересуют различия,

воспринимаемые индивидами, то целесообразно сосредоточить внимание на группах, между которыми существует наибольшее социальное расстояние. Чем больше социальная дистанция между группами, тем сильнее будут осознаваться языковые различия между ними, и тем активнее они будут воспроизводиться агентами. Категории, на основании которых выделяются варианты языка («высокий»/«низкий», «литературный»/«нелитературный», «мужской»/«женский» и другие) работают как категории оценки, используемые самими акторами и влияющие на их языковой выбор.

Проблема языкового выбора как воспроизводства определенной социальной практики анализируется через понятия социального статуса и социальной ситуации. Связь речи и социального статуса устанавливается через комплекс норм, призванных утверждать идентификации участников взаимодействия и включать их в более широкий институциональный контекст. Речь может пониматься как элемент социальной роли.

Различные роли активизируются в зависимости от социальной ситуации. Социальная ситуация анализируется на основе ряда переменных, среди которых: 1) физическое пространство (локализация социальных агентов в физическом пространстве, имеющем определенную социальную маркировку); 2) социальное пространство (участок социальной структуры, с которым связан тип данного взаимодействия, институциональный контекст взаимодействия); 3) статусно-ролевые характеристики участников взаимодействия; 4) культурный контекст (нормативно-ценностный комплекс, регулирующий взаимодействие в данных участках физического и социального пространства, между данными типами акторов).

Для каждого типа социальных ситуаций существуют ожидаемые и приемлемые варианты поведения, в том числе и речи, призванные утверждать утвердившееся определение ситуации и идентичность акторов. Они формируются в ходе совместного развития социальной структуры и выделения различающихся по образу жизни групп и формирования институциональных контекстов. В грубом приближении мы имеем шкалу, на одном полюсе которой находятся формальные контексты взаимодействия, связанные с определенными статусными позициями, проникнутые этосом определенных социальных групп и требующие повышенного внимания к речи. На другом полюсе находятся неформальные ситуации, в которых проявляются привычные для группы модели поведения.

В параграфе 2.2. на основе анализа данных социолингвистических

исследований У. Лабова, П. Траджилла и других ученых, рассматриваются принципы воспроизводства различных языковых практик в зависимости от стратификационных и ситуативных переменных. Далее используются категории, применявшиеся этими учеными: средний класс, рабочий класс и их градации.

Представители всех социальных групп, выделяемых на основе профессии и дохода (названные ученые используют категории «средний класс», «рабочий класс» и их градации, например, «низший средний класс»), проявляют чувствительность к различиям между престижным вариантом языка, ассоциирующимся с высоким социальным положением и стигматизированным вариантом, маркированным в связи с использующими его группами, находящимися внизу социальной иерархии. Особенно сильна корреляция между престижным вариантом языка, высоким социальным положением, женским полом и пожилым возрастом. Стигматизированный вариант эмпирически связан с низким социальным положением, мужским полом и молодым возрастом.

В ситуациях, требующих повышенного внимания к речи, у представителей всех групп наблюдается тенденция к употреблению престижного варианта. В некоторых группах (низший средний класс и женщины) степень выраженности этой тенденции позволяет говорить о феномене гиперкоррекции. Причины этого видятся в восприимчивости нормам и престижу среднего класса вследствие пограничного социального положения (низший средний класс) и сопутствующей неуверенности (женщины).

Используемые в речи престижные лингвистические переменные понимаются как маркеры социального статуса. Так как тенденция к следованию престижному варианту проявляется тогда, когда индивиды уделяют речи повышенное внимание, воспроизводство престижной практики следует понимать как рефлексивное действие, имеющее свои цели. Престижный вариант характерен для людей с высоким социальным положением и его воспроизводство подчеркивает их отличия. Чувствительность к престижному варианту, свойственному им, говорит о том, что данная группа выступает для индивида в качестве референтной. Воспроизводя соответствующую манеру говорить, он манифестирует свою социальную идентичность и принадлежность к среднему классу.

Социальный смысл лингвистические переменные обретают постепенно. Здесь мы имеем частный случай механизма подражания, который разворачивается от верхних «этажей» социальной структуры к нижним: от среднего класса к низшему, от

столицы к провинции и так далее. Не стоит забывать и о вторичном делении внутри класса на основе структуры капиталов.

Параграф 2.3 посвящен анализу связи воспроизводства социальной языковой практики и социальных границ, а также феномену иерархии языковых стилей. Неиерархичные сами по себе языковые варианты в действительности иерархизированы; они получают социальный смысл и оцениваются посредством переноса оценок социальной группы на ее язык. Это проявляется как в социально-экономическом, так и в территориальном и гендерном аспектах. В результате получаем варианты, за которыми закреплено определенное социальное значение: «развитый»/«примитивный», «сильный»/«слабый», «провинциальный»/«столичный» и тому подобное. Языковой вариант служит средством социальной типизации и селекции, проводимой в рамках различных социальных институтов, основным из которых можно считать образование.

Языковой вариант понимается как элемент культурного капитала, связанного с другими его видами и конвертируемого в них. Социально-маркированные языковые различия служат средством социального типизирования и селекции. Данная проблема связана с возведением социальных барьеров, посредством которых группы стремятся обеспечить себе преимущественный контроль над ресурсами. Механизм строительства барьера включает образование класса отличий, позволяющих исключать тех, кто не относится к данной среде.

Социальная языковая практика функционирует в стратифицированном обществе как статусный символ. Символический капитал существует в форме престижа – уважения, оказываемого тем, кто обладает наиболее ценными в данной группе/обществе благами. Носители престижа укрепляют дистанцию посредством отличающих их практик. Их практики становятся престижным образцом, вызывая желание подражать.

На установление социальных барьеров влияют отношения доминирования. Язык используется в качестве средства установления и поддержания власти над социальным пространством. Это связано с процессами кодификации и стигматизации. Тенденция установления единого престижного и одобряемого образца исходит «сверху», но находит поддержку и «снизу». Люди сознательно перенимают культурные практики доминирующих групп, стремясь улучшить свое социальное положение. Будучи носителем стигматизированного варианта в условиях, когда большинство публичных социальных институтов структурированы этосом среднего

класса (и в них приемлем только литературный вариант) это сделать сложно.

Привилегированные группы стремятся укрепить барьер, лишённые привилегий – овладеть престижными практиками. Поэтому языковой выбор необходимо также рассматривать в контексте конкурентной борьбы, как часть стратегии групп по поддержанию социальных барьеров либо в попытке уйти от стигмы.

Таким образом, социальный статус связан с речью на нескольких уровнях:

- как нормативный комплекс, система коммуникативных средств, предписанных носителю данного статуса и используемых в зависимости от ситуации (типичные ожидания к речевому поведению);

- как нормативный комплекс, предписанный остальным в отношении носителя определенного статуса, призванный поддерживать установившуюся систему социальных отношений (последние два аспекта представляют речь как элемент социальной роли);

- как часть более широкой стратегии поведения, связанной с местом данной позиции в системе социальных отношений.

Стоит подчеркнуть, что языковые практики как статусные символы имеют ряд ограничений на копирование, связанных с: – давлением социального окружения и солидарностью со своей средой; – чувством культурной чуждости, неуместности, неуверенности; – неестественностью в демонстрации определенного комплекса манер, не усвоенных в детстве и не закреплённых в постоянно взаимодействии; – материальными и временными ресурсами, которые необходимы для овладения некоторыми практиками. Таким образом, в ограничениях на копирование статусных символов также проявляется как объективное измерение социальной структуры (ресурсы), так и субъективное, связанное с установками и оценками чего-то как «своего» или «чужого».

В **параграфе 2.4.** представлен анализ воспроизводства социальной языковой практики в связи с феноменами социальной идентичности и лояльности. Они, в свою очередь, зависят от степени сплочённости сообщества и, на индивидуальном уровне, от места индивида в сети социальных отношений.

Мы вновь возвращаемся к феномену престижа в более широком контексте. Престиж – не универсальное понятие. Он связан с ценностно-нормативными ориентациями и может иметь различное определение. Так, престижем могут наделять не только культурные практики привилегированных групп, но и некоторые стигматизированные в широком социальном контексте практики. Этот феномен

можно наблюдать на примере мужских социальных языковых практик, в которых употребление стигматизированных переменных связано с престижем маскулинности, либо на примере сленгов, образованных на основе жаргона преступной среды.

Существует прямая связь между степенью приверженности нормам и ценностям группы и воспроизводством соответствующей социальной языковой практики. Если норма уже социально-маркирована в связи с группой, то следование ей зависит от престижа данной группы для ее членов.

Различную степень приверженности нормам и ценностям локальной культуры помогает объяснить теория социальных сетей, проводящая связь между следованием социолектной норме, степенью сплоченности сообщества и местом в нем индивида.

Под социальной сетью мы понимаем на структурном уровне совокупность связанных между собою определенным образом позиций. Местоположение индивидов или позиций является узлами сети. Каждая позиция (узел) обладает рядом характеристик исходя из плотности контактов с другими узлами и так далее. На основании группировки характеристик сетей можно выделить несколько комплексных типов: закрытые и открытые, мультиплексные и униплексные. Значение имеет также тип «рисунка» связи между позициями, собственно сетевая структура и степень централизации сети. Можно выделить несколько закономерностей относительно связи структуры социальной сети с языком. В данном случае интересно то, что чем плотнее сеть, тем эффективнее действует механизм установления и поддержания групповых норм. Чем ближе индивид находится к условному центру сети, чем полнее интегрирован в локальную культуру, тем он более последователен в употреблении локальной речевой нормы. Напротив, те, кто находится на периферии сети, колеблются между локальными нормами и нормами литературными.

Исследователями (У. Лабов, Л. Милрой, Дж. Чешир и др.) выявлено, что наибольшую плотность демонстрируют сети в гетто, так как людей там спланируют специфические трудности (так называемый «эффект гетто»). В особенности это свойственно молодым представителям рабочего класса. Высокая плотность свойственна также сетям мужчин в сравнении с сетями женщин. Те, кто принадлежит к плотной сети и находится близко к ее условному центру, наименее всего подвержены внешним стандартам и наиболее полно идентифицирует себя с данной социальной общностью. В наибольшей степени подвержены внешним стандартам престижа те, кто находится на периферии социальной сети и принадлежит к неплотной сети. Локальные нормы речи в сообществе выполняют функцию поддержания

солидарности.

Не только следование, но и подчеркнутое избегание определенной социальной практики есть выражение социальной идентичности. Это можно наблюдать на примере дистанцирования подростковых групп посредством производства особых языковых практик; на примере сообществ, подчеркнуто избегающих каких-либо идеологически-маркированных средств (как в случае с интеллигенцией и «чиновничьим» языком).

В этом смысле мы говорим об аспекте манифестации, который наряду с привычными групповыми нормами, названными нами рутинной, формирует социальную языковую практику. Аспект манифестации связан с воспроизводством индивидами выработанных в процессе жизнедеятельности социальных групп и функционирования социальных институтов социальных языковых практик, которые социально-маркированы в связи с неравномерно распределенными в обществе экономическим и культурным капиталом, властью и престижем.

Можно выделить различные языковые практики групп с точки зрения их направленности.

1. Манифестация высокого социального положения как средство поддержания барьеров. Она говорит о высоком престиже данной общности как среди ее членов, так и в более широком социальном контексте, о существующих барьерах, отделяющих одну общность от других.

2. Манифестация высокого социального положения как попытка примкнуть к высшему классу. Она говорит о депривированности и неуверенности, с одной стороны, и о лояльности нормам и ценностям высшего класса, с другой.

3. Манифестация солидарности с социальной группой. Она говорит о том, что в данной группе сильна солидарность, группа сплочена. В случае если воспроизводится стигматизированная норма, это говорит также о том, что система ценностей группы, в некотором смысле, противостоит господствующей системе ценностей, члены группы стремятся сохранить локальную идентичность.

4. Избегание определенной социально-маркированной практики как попытка дистанцироваться от социальной группы. Это говорит о низком престиже данной группы. Если индивид дистанцируется от группы членства, это говорит о низкой степени лояльности и о том, что группа стигматизирована в более широком социальном контексте, а также о том, что индивид, скорее всего, находится на периферии группы. Если представители одной группы подчеркнуто избегают

языковых практик другой группы, то это говорит о том, что существует субъективное противопоставление данных групп (как в случае с интеллектуалами и чиновниками, интеллигенцией и мещанской средой, взрослыми и подростками).

В заключении изложены основные выводы исследования.

В первой главе мы проанализировали язык как социальный факт в его связи с социальной группой. Языковой вариант, вырабатываемый группой, понимается как совокупность лингвистических и социально-психологических отличий, воспроизводящих особенности ее образа жизни и структурной организации. В центре внимания исследователя при этом должна быть теоретически выделенная на основе социально-значимого критерия группа близких расположенных в социальном пространстве позиций. Данная близость формирует действительное культурное единство группы, выражающееся в единстве социальных практик и их оценок.

Языковой вариант понимается как социальная практика, в которой мы выделяем два взаимосвязанных аспекта: рутины и манифестации.

Под рутинной мы понимаем типичные образцы поведения, выработанные группой. На групповом уровне рутинный аспект социальной языковой практики представляет собой типичные языковые практики членов группы, являющиеся элементом образа жизни группы, воспроизводящие особенности ее структурной организации и типичный опыт ее членов.

На индивидуальном уровне социальная языковая практика в рутинном аспекте существует в форме языковой компетентности. Она отвечает за уместное и адекватное для данной среды использование языка.

Связанный с ментальными структурами, языковой вариант структурирует поведение индивидов и тем самым оказывает обратное влияние на социальную группу и общество.

Наиболее очевидно утверждение относительно влияния языковой категории на мышление применительно к понятиям, означающим социальные феномены. Социальная реальность (существование социальных групп, институтов, организаций, движений) опосредована знаковой системой, применяемой для ее закрепления и интерпретации. Так как знаковая система социально дифференцирована, можно устанавливать связь между социальным институтом и культурными практиками, в том числе языковыми определенной социальной группы.

Во второй главе проанализировано воспроизводство социальных языковых практик в связи с социальной структурой общества. Воспроизводство различных

социальных языковых практик основано на воспринимаемых различиях между ними. Различия эти воспроизводят систему социальных различий. Языковые практики маркируются в связи с обслуживаемым участком социального пространства и оцениваются посредством переноса оценки с группы на ее культурные практики.

Воспроизводство социальной языковой практики раскрывает иной ее аспект – манифестации.

Во-первых, языковая компетентность понимается как разновидность культурного капитала, связанного с другими его видами. Функционируя в стратифицированном обществе, языковая практика является различием, воспринимаемым индивидами. В условиях, когда одни практики легитимизированы, другие – стигматизированы, такое различие работает как механизм типизации и социальной селекции. Индивиды следуют престижному варианту не только из-за лояльности нормам и ценностям среднего класса, но в попытке присоединиться и снять стигму. В то же время, для привилегированных групп воспроизводство таких практик направлено на утверждение класса отличий, не позволяющего индивидам из иной культурной среды (носителям иных социальных вариантов языка) успешно действовать в ряде социальных контекстов. Таким образом, воспроизводство практики является частью общей стратегии группы в конкурентной борьбе за перераспределение символического капитала.

Во-вторых, воспроизводство определенных социальных языковых практик (либо подчеркнутое избегание каких-либо маркированных лингвистических переменных) следует понимать в социологии как выражение лояльности и солидарности с группой, манифестацию социальной идентичности.

С точки зрения манифестации, можно выделить следующие виды воспроизводства социальных языковых практик в зависимости от их направленности:

- манифестация высокого социального положения как средство поддержания барьеров;
- манифестация высокого социального положения как стратегия индивида с низким социальным положением – попытка примкнуть к высшему классу;
- выражение солидарности с группой и манифестация социальной идентичности;
- сознательная попытка дистанцироваться от какой-либо группы, что одинаково работает как в случае с гиперкоррекцией, так и в случае со следованием

стигматизированной норме и в случае с избеганием иной имеющей для данной группы смысл нормы.

Неосознанная демонстрация социальной принадлежности не может рассматриваться как тип воспроизводства какой-либо социальной практики, а, скорее, как ошибка индивида, возникающая в связи с тем, что практика как статусный символ имеет ряд ограничений на копирование.

Комплексное понятие социальной языковой практики, таким образом, включает в себя оба аспекта и обеспечивает возможность для интерпретации лингвистических данных в социологии при исследовании любого аспекта социальной реальности. При этом для анализа различных аспектов социальной языковой практики мы предлагаем два принципа:

1. принцип репрезентации, в соответствии с которым языковые практики рассматриваются как выражение образа жизни группы; он применяется, если мы стремимся изучить жизненный мир или особенности структурной организации группы;

2. принцип различения, в соответствии с которым мы концентрируем внимание на категориях, в которых агенты осмысливают и оценивают различные социальные группы, то есть на классификациях и иерархиях. Его целесообразно применять, если нас интересуют отношения, складывающиеся между группами в обществе, идентификации членов группы, место группы в системе социальных отношений, субъективное измерение деления общества на группы.

Представляются интересными и актуальными следующие частные темы, которые могут разрабатываться на материале отдельных социальных групп:

- социальные категории, на основании которых в современном российском обществе типизируются и оцениваются социальные языковые практики;

- социальные языковые практики, вырабатываемые и воспроизводимые представителями так называемых либеральных профессий, в связи с их социальной (в том числе национальной) идентичностью;

- фиксация в языковом знаке специфического социального опыта членов группы, что особенно актуально для замкнутых общностей, которые неохотно делятся информацией со сторонними наблюдателями;

- влияние языка на группу, его роль в установлении и поддержании групповых границ и барьеров, идентичности и сплоченности;

- роль языкового знака и транслируемого им социального опыта в

социализации как средства формирования идентичности, усвоения комплекса норм и ролей;

- роль языкового знака и транслируемого им социального опыта в становлении и функционировании социальных институтов и социальных движений;

- языковые знаки, закрепляющие базовые понятия, относящиеся к социально-политической сфере жизни общества, как предмет идеологической борьбы;

- тенденции изменения русского языка под влиянием изменений в субъективном аспекте социальной структуры за последовавшие после распада советской системы десятилетия;

- тенденции, наблюдаемые в языках национальных меньшинств, проживающих на территории РФ, в связи с социальными процессами в этих группах, степенью общности идентификаций их членов и приверженности этнической культуре, их социально-экономической активностью;

- социальная типизация и селекции на основе языковых практик в современной российской школе.

Публикации по теме исследования

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Макушева М.О. Теория образовательных неудач Б. Бернштайна в свете социологии языка. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 150. 2012. 0,45 п.л.

Статьи и материалы научных конференций

2. Макушева М.О. Предметное поле социологии языка // Вестник Института социологии. 2012. № 5. 0,8 п.л.

3. Макушева М.О. Языковые средства в конструировании социального движения (Исследование случая с использованием метода анализа ключевых слов) // Современные научные исследования и инновации. 2012. Авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/08/16337>. 1 п.л.

4. Макушева М.О. Что естественный язык говорит нам об обществе? // Психология, социология и педагогика. 2012. Июль [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/?p=940>. 1 п.л.

5. Макушева М.О. Перспективы осмысления проблем образования в социологии языка и социолингвистике. // Психология, социология и педагогика. 2012. Май [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/05/520>. 0,75 п.л.

6. Макушева М.О. Метафорика естественного языка и проблематизация приезжих. Языковые основания бытового шовинизма // Межэтнические столкновения в поликультурной студенческой среде и пути их разрешения. Материалы науч.-практ. конф. 14-15 окт. 2008 г. СПб., Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 281-285. 0,3 п.л.

7. Макушева М.О. Стратификационные доминанты политической коммуникации // Герценовские чтения-2008. Социологическое образование в России. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 104-110. 0,4 п.л.

Подписано к печати 21.02.2013
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем: 0,75 п.л. Тираж: 100 экз.
Заказ №. 51-28
Отпечатано в типографии ООО «Копи-Р Групп»
190000, Россия, Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 6, лит. Б